

Литература

1. *Купина Н.А., Литовская М.А., Николина Н.А.* Массовая литература сегодня. Учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2010.
2. *Миллер А.Ф.* Краткая история Турции. М.: ОГИЗ, 1948.
3. *Репенкова М.М.* Формирование многоуровневого художественного поля в современной турецкой литературе // Вопросы тюркской филологии. Вып. X. Материалы Дмитриевских чтений. М.: Изд-во МБА, 2014.
4. *Софронова Л.В.* Турецкий исторический роман (этапы развития). Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1986.
5. *Черняк М.А.* Массовая литература XX века. Учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2009.
6. *Pala İ. Şah & Sultan.* İstanbul: Kapı Yayınları, 2013.

*А.Г. Саргсян**

Новый модус портрета возлюбленной в диване Баки (по материалам рукописи [1])

Любовная лирика занимает важнейшее место в османской поэзии, в которой сменяют друг друга описания счастливых встреч влюбленных, а чаще — образы страдающего влюбленного и жестокосердной возлюбленной, яркие картины почти всегда безответной и трагической любви. Здесь мы можем отметить типологическое сходство османской поэзии с персидской, с существующими закономерностями любовного этикета: вечно пылающее сердце героя, безутешное состояние и слезы [2].

Начиная с XV в. любовная лирика в османской поэзии начинает включать идею как описательной, так и активной чувственной любви. Английский востоковед Э. Гибб пишет: «Османская поэзия трансформируется в идеальный мир, где богослов и ученый молчат, и вместо них звучат страдания влюбленного... С первого взгляда кажется, что поэты очутились в волшебном мире, полном роз и птиц, где божественная любовь встречается с мирской и, соединяясь, становится единым целым» [3]. В османской поэзии XVI в. любовные мотивы, насыщенные мирскими и эротическими элементами, продолжают выступать под религиозным покровом [4].

*Кандидат филологических наук, ассистент кафедры тюркологии Ереванского государственного университета.

Прежде всего надо понять, кто такая возлюбленная, являющаяся источником вдохновения поэта XVI в. По мнению известного американского литературоведа В. Эндрюса, к числу возлюбленных относятся обитающие в роскошных замках красавицы, которых поэты называют *hüsna, duhter*, а в качестве сердцееда — *dilber*. Последнее, согласно мнению того же автора, имеет двойной смысл — оно не различает полов, так как часто сердцеедами называли и мужчин [5]. Баки также по отношению к возлюбленной использует вышеназванные выражения, хотя у него есть бейты (двустушия), в которых употребляется выражение *kul oğlu* (солдат, янычар). Такие же бейты встречаются в стихотворениях Физули:

Bir Kul oğlunun esîr oldı kapusunda gönül
İntisâb itdi gedâ bâr-geh-i sultâne [6].

*Сердце стало пленником у дверей преданного воина,
Подобно нищему, обрело пристань у порога султана.*

Bir Kul oğlı âfetün kûyında kaldı cân u dil
Karuya çıkmaz görünmez neylesün bi-çâreler [7].

*Стали несчастными сердце и душа воина,
Если не пройдет это состояние, что делать беспомощным?*

Начиная с XIII в. в османской поэзии независимо друг от друга царят два направления: «диванное» (Divan Edebiyatı), и «народное» (Halk Edebiyatı), которые отличались друг от друга и языком, и содержанием [8]. Позже у придворных поэтов, в частности в произведениях Баки, заметно определенное влияние народной поэзии [9].

На основные сходства любовной лирики диванной и народной поэзии обращает внимание турецкий литературовед И. Пала, представляя поэта «дивана» как ашуга [10]. В отличие от «диванной» литературы, в «народной» литературе внешность красавицы описывается жизнерадостным тоном, естественными штрихами, действия героев динамичны, присутствует диалог возлюбленного и возлюбленной, чего практически нет в придворной поэзии. Наряду с общими чертами, в произведениях «диванных» поэтов бросаются в глаза «напоминающие кошмар описания» [11] красавицы, когда поэты сравнивают ее рост с кипарисом, самшитом или первой буквой арабского алфавита *алиф* (ا), талию — с тонким волосом, а маленький ротик — с незаметной точкой или бутоном розы.

В произведениях Баки в основном повторяется идея недоступности возлюбленной, а в случае счастливой встречи поэт-возлюбленный из безутешного состояния переходит в эйфорическое. Оригинальны как полный портрет красавицы, так и описание ее отдельных внешних черт.

Бақы насыщает щедрыми, даже гиперболическими выражениями все возможные и невозможные описания внешности красавицы:

Kad ser-i çemen yâre dehen gonca-i gül-zâr...[12]

*Рост любимой моей – сад,
Рот – розовый бутон.*

Feryadıma ol kaameti şimşad yetişmez
Benzer ki anın gûşuna feryad yetişmez [13].

*Твой рост самшита не выше моей мольбы,
Но, кажется, до твоего слуха никакая мольба не долетит.*

Murassa câmdir ağzın lebâleb sükkeri şerbet
Muanber şemdir kaddin ki sertâpâ muattarsın [14].

*Рот твой — драгоценный хрусталь, уста — сладкий шербет.
С ног до головы ты окутана ароматом амбры.*

Глаза возлюбленной Бақы часто сравнивает с миндалем, нарциссом, солнцем, брови — с арками, с буквой *pa* (پ) арабского алфавита. Особое внимание поэт уделяет родинкам и ямочкам, воспаляющим его сердце и душу:

Olıcak yâr gibi dilber-i şirin harekât
Teni pâlûze-i ter gözleri bâdâm olsa [15].

*Любимая — сердцеедка с нежными движениями,
Тело ее колышется, а глаза — миндаль.*

Görüp çin-i ebrûyü müşkinini
Siyeh çeşmini sandım âhû-yü Çin.

*При виде нахмуренных бровей решил,
Что смотрят на меня солнца черные глаза.*

Yine bir kaşı hilâlin sitemi çerh gibi
Kaddimi kıldı kemer tâkatimi eyledi tâk [16].

*Как жестокая судьба, бровь полумесяца показалаь,
Участь моя решилась, спина согнулась.*

Dil-i Baki nice âbâd olur kim
Yıkar ol gamze-i fettan yakar ruh [17].

*Зачем ты жигаешь сердце Бақы?
Эта лукавая ямочка воспламенила мою душу.*

Gamzeler tığzen olmuştur ol ebru kavvâs
Râh-ı aşkı bugün ol kaşkemânım gözetür [18].

*Ямочки и родинки стали мечниками, бровь — лучником,
Тропа любви ждет сегодня своего стрельца.*

Ol hâl-i siyeh hilâl-ü lebler
Yakut biri birisi mercan [19].

*Эта черная родинка, подобные луне губы,
Одна — рубин, другая — коралл.*

Îzârında şehâ hâl-i siyâhın
Şeker üstünde konmuş bir megesdür [20].

*О, падишах, черная родинка на ее лице
Напоминает маленькую мушку на сахаре.*

Ağzı lâlin hokka yâkut-ı müferrih lebleri
Cevher-i terkib istersen leb-i dilber yiter [21].

*Рот как розовая чернильница, уста — рубин,
Гармония драгоценностей — уста красавицы.*

Kaş râ kad elif dehan ise mim
Kıldın ey mâh halkı emrine râm [22].

*Брови — ра, рот — мим, рост — алиф,
Смирись, народ полумесяца.*

Çerâğ-ı hüsnü ışıktır o mehveşin gerçek
Dehân-ı teng-i dilâvîzi bir güzel küçek [23].

*Красота как свет огня, как луна,
Маленький рот как красивая перепелочка.*

Баня (hamam) занимает важное место в османском быту, зимой даже служит местом пира. Эта тема нашла свое отражение и в поэзии [24]. В лирике Баки баня считается местом, где можно показать красоту тела любимой.

Sahn-ı hammâmda dün gördüm o nâzûk bedeni
Eyledüm dikkat ile mûy miyânına nazar... [25]

*Вчера в бане я видел ее грациозное тело,
Пристальным взглядом изучил ее нежное тело.*

В османской «диванной литературе» порог дома возлюбленной является тем важным местом, где влюбленный выражает свои чувства, обливаясь слезами и умоляет. Самое большое желание влюбленного — удостоиться какого-то внимания со стороны возлюбленной, и ради этого он готов стать рабом, проводить дни с бродячими собаками и в конце стать прахом [26].

Terk idüp tâc u kabâyı şevk-i şem'-i hüsnüne
Kendümi perâne-âsâ bir nemed-pûş eyledüm [27].

*На пороге заветной красоты откажусь от короны и одежды
И стану странником, как дервиш.*

Ârzû eylemezin saltanat-ı dünyâyı
Hidmet-i hâk-i der-i yâr yiter câh u celâl [28].

*Не нужны мне султанат, должность и слава,
Мне довольно власти Божьей и двери любимой.*

‘Âşıklara çün derd ü belâ zevk u safâdur
Yâ zevk u safa derdine düşmek ne belâdur [29].

*Для влюбленных скорбь и боль — это счастье,
А впасть в приятную скорбь — это бедствие.*

Haremün ravza-i cinâne deger
İşigün tâk-ı âsmâne deger
Hañçerün sinemi delerse eger
Söyle bir hayr ider ki câna deger
Oklarun sehmi sineye iricek
Ser-i peykânun üstühâne deger [30].

*Твоя обитель стоит райского сада,
Стоит небесного свода.
Это такое благо,
Что стоит целой жизни.
А пронзающие грудь стрелы
Стоят воскрешения из мертвых.*

Gönül hâk-i harim-i âsitânun ârzü eyler
Derün-ı dilde niyyet âb-ı Zemzemden muşaffadur [31].

*Сердце хочет достичь священного порога,
Бьющая из сердца молитва — целебных вод Земзема.*

İşigün hâkine ser-çeşme-i hayvân dirlir
Kapuna matla’-ı hurşid-i [32] dirahşân dirlir [33].

*Порог возлюбленной животворящим родником зовут,
Родину солнца светом и блеском зовут.*

Bâkıyâ gül-şen-ı firdevsi bana ‘arz itme
Âsitânın ben anun menzil ü me’vâ bilürin [34].

*Не предлагай Баку райский розовый сад,
Я ее порог уже признал раем.*

İşigün taşı ile hâk-i harimün besdür
Bâkî-i haste-dile bâlış ü bister yirine [35].

*Священная земля и камни возлюбленной
Станут страдающему сердцу Баку подушкой и постелью.*

Описание порога возлюбленной есть также в диванах Физули и Яхабея, где порог любимой представляется подушкой, на которую класть голову — блаженство [36].

В поэзии Баку восхваляется платоническая любовь, возлюбленная является абстрактной и недостижимой для влюбленного поэта в отличие от «народной литературы», когда нам становятся известны имя и даже место жительства возлюбленной. Диалог, который в народной литературе является основным изобразительным средством, в стихотворениях Баку отсутствует. Его любовные мотивы выражают как обобщенный, божественный или аллегорический смысл, так и воспевают материальные, реальные ценности. С одной стороны, Баку, следуя эпикурейской философии, призывает наслаждаться каждой минутой бытия, стать участником пиров, но одновременно мы становимся свидетелями открытой критики по отношению к тем, кто отдает предпочтение мирским удовольствиям, плотским утехам:

Ezelden şâh-ı ‘aşkun bende-i fermâniyuz cânâ
Mahabbet mülkinün sultân-ı ‘âli-şâniyuz cânâ [37].

*Мы слуги шахского послания о вечной любви, душа моя,
Удостоены любовной славы султанского мира, душа моя.*

Mürîd-i ‘aşk oldum ben tecerrüd ihtiyâr itdüm
Eger meyl eyler isem bir zen-i dünyâya nâ-merdüm [38].

*Стал я любви мюридом [39], обнищал, постарел,
Если увлекусь и полюблю земную женщину, не стану человеком.*

Her kim ki meyl ider zen-i dünyâya
Bâkiyâ merdâneler içinde anı sanma er geçer [40].

*Для любого, кто увлечется земной женщиной,
Молодость быстро минует, будь уверен, Баку.*

Bâkiyi zâr u zebûn itdün yigitlik bu midür
Sen tevânâ nev-cevân ol nâ-tevân bir pîr-i ‘aşk [41].

*Разве достойно мужчины, что Баку стал слабым и жалким?
Будь сильным и бодрым, так как любовь — беспомощный старец.*

Если сравнить любовные мотивы Баку и его современника Физули, сразу же бросается в глаза суфийская философия последнего, а в произведениях Баку, как отмечает турецкий литературовед М. Кёпрюлу, иногда намечающиеся «суфийские выражения и понятия носят намного более

обобщенный характер, материальны, а прославляемая им любовь — звучна только его духовному миру” [42]. Схожее мнение выражают также турецкие литературоведы Ф. Тимурташ и А. Танпинар [43], которые находят определенные различия в изобразительных средствах описательной системы обоих авторов: подчеркивают мирскую и материальную любовь Баки, а лирический пафос считают важной составляющей его поэзии. Но есть и противоположная точка зрения турецких литературоведов А. Карамисаилоглу и С. Яхджиоглу, что творчество Баки необходимо анализировать с точки зрения суфийской философии [44].

В произведениях Баки большое место также занимают строки о чувствах поэта, где он откровенно пишет о мечте — один раз обнять любимую с ангельским лицом, провести с ней ночь, а если мечта не сбудется, о готовности превратиться в прах. Влюбленный пылает в муках и страданиях, но готов продолжать молить возлюбленную, которая пренебрегает его чувствами. Поэт, говоря о возлюбленной, постоянно жаждет обнимать, целовать, видеть обнаженной возлюбленную и восхищаться ею. Таких мотивов множество:

Bilüne yok bedel veli saçunun
Girihin çözsен ol miyâne deger
Elün ol zülfe degmek ey Bâki
Hâsılı ömr-i câvidâne deger [45].

*Нет ценителя твоих волос,
Если развязать нить, она станет бесценным жемчугом.
Если Баки руку протянет к локону,
Удостойтся вечного блаженства.*

H'âbda almış idüm bûs-ı leb-i cânânı
Cân dimâğında dahı şimdi o lezzet bâkî [46].
*Во сне сорвал поцелуй с твоих губ Баки,
На небе теперь вкус сильнее.*

Ol şanemden Bâkiyâ bir büse da'vâ kıl yüri
Söylemezse öp hemân agzın süküt ikrârdur [47].
*У этой красавицы, Баки, сорви поцелуй и уйди.
Если не будет возражать, поцелуй уста и поклонись.*

Telh-kâm itme beni dostum acı söz ile
Lebün emdürmez isen tatlu dilün bâri gerek [48].
*Не огорчай, мой друг, меня горькими словами.
Если уста не получают поцелуя, используй сладкие слова.*

‘Âşıkâ ihsân ise maksûd elünde dûstum
Dest-bûsuñdur muhassal Bâkîye ihsân-ı ‘id [49].

*Любимая, если хочешь добра любимому,
Дай Бақы поцеловать руку в качестве праздничного подарка.*

Бақы объятия возлюбленной воспринимает как повязку с бальзамом на рану:

İsterse nola haste gönül yâre sarılmak
Mecrûh olıcak lâzım olur yara sarılmak
Olmadı müyesser bana bir serv-i revânun
La'lini öpüp biline bir pâre sarılmak
Gül ruhlarını ara öpüp ara sarılmak
Zâyi' ola mı bunca belâ dünyede Bâkî
Yâ Rabbi nasib ola mı dil-dâra sarılmak [50].

*Что будет, если страждущее сердце хочет обнять любимую?
Ранено оно, желает обнять возлюбленную.
Нелегко достичь высокой красавицы,
Поцеловать тюльпан, мимоходом обвиться вокруг талии,
Поцеловать розы-щеки и на мгновение обнять.
Потерялся Бақы в этом жестоком мире.
Неужели разрешит Господь обнять любимую?*

Бақы в своих стихотворных строчках мечтает расстегнуть пуговицы, снимать одежду с нежного белого тела возлюбленной с миндалевидными очами:

Goncalar içre nihân eyleme gül-berg-i terün
Ya'ni seyr eyleyelüm sineni çözü dügmelerün [51].

*Не прячь в бутонах твоих розовые лепестки,
Расстегни пуговицы, дай восхититься персями.*

Mestâne soydı o mehi Bâkî geçen gice
Nâzüklik ile çözdü mukaddem kuşagını [52].

*Прошлой ночью Бақы обнажил подвыпившую луну,
Прежде всего он развязал ее пояс.*

Dünyede öldüğüme hiç gam yimezdüm Bâkıya
Bir gice pehlûya çeksem ol melek-simâcığı [53].

*Никогда Бақы не пожалеет о смерти,
Если только ночь одну будет ласкать ее ангельское лицо.*

‘İşret-i bezm-i visâl-i yâr geldi yâduma
Gussa-i dehri gam-ı devri ferâmûş eyledüm [54].

*Во время пира вспомнил об объятиях возлюбленной,
И скорбь и грусть мира заполнили мои мечты.*

Vasl-ı nigâre irüp olmadı ber-murâd ol
Ağla gözüm yan ey dil Bâkî-i nâ-murâde [55].

*Не смог к красавице подойти, и слезы заполнили глаза Баки,
Сердце запылало несчастьем.*

Bâkiye âb-ı vaslun irmez ise
Ateş-i hecr ile yanur kül olur [56].

*Если не обольется Баки водой,
Сожжет и испепелит его огонь желания.*

Vefâ ummaz cefâdan yüz çevürmez Bâkî 'âşıkdur
Niyâz itmek aña cânâ yaraşur saña istingâ [57].

*Баки влюблен, от тебя он не отвернется из-за страданий.
Тебя ранят мольбы и стенания, а его — равнодушие.*

Баки в любви очень ценит искренность и чистоту:

Bâkıyâ şâhid-i maksûd olur çihre-nümâ
Sâf u pâk âyine-i dilde gubâr olmayıcak [58].

*Эй, Баки, если чистое и непорочное зеркало сердца не покроется пылью,
Твоя мечта-возлюбленная увидит в нем свое лицо.*

Таким образом, Баки, уходя от стереотипных средств изображения безответной любви, пишет о взаимной любви. Этим нововведением он проложил новую дорогу в любовной поэзии, что впоследствии получит развитие в диване Недима [59].

Güzeller mihri-bân olmaz dimek yañlışdur ey Bâkî
Olur va'llâhi bi'llâhi hemân yalvarı görsünler [60].

*Ошибся Баки, что красавицы не откликаются,
Клянись, примут в объятия, если влюбленный молит.*

В вышеназванных строках Баки явно видно проявление свободомыслия, и подобное поведение возлюбленной поэт умело показывает двусмысленно, так как слово “yalvar” на османском обозначает и мольбу, и индийскую денежную единицу. Здесь виртуозно создан каламбур: возлюбленной можно достичь как мольбой, так и с помощью денег.

Как и у других придворных поэтов, в произведениях Баки сюжет сокрытия возлюбленной от чужих, возможность любования ее портретом только любимым формирует в османской поэзии новую тенденцию, которая станет основой для воспевания мотива взаимной любви у поэтов последующих поколений. Так, Баки любимую сравнивает с луной и советует ей даже лицо прятать от чужих, дожидаясь любимого:

Âyine gibi her kese yüz virmesün ol mâh
 Bir bağı yanuk âşikun ugrar nefesine [61].

Луна не зеркало, она должна прятать лицо,
 Выходит тогда, когда чувствует дыхание любимого [62].

Любовная лирика Баки полна сопоставлений и аллегорий, которые поэт использует, щедро перемежая каламбурами и народными оборотами.

Исследуя тезис о новой «адаптации» портрета возлюбленной, надо отметить, что внешние черты воспеваемой красавицы выявляются и оцениваются в гиперболических выражениях: глаза возлюбленной сравниваются с миндалем, нарциссом, солнцем, брови — с дугами, с буквой *ra* (ر) арабского алфавита, воспеваются «воспламеняющие душу и сердце» родинки и ямочки на щеках. В поэзии Баки широко используются сравнения возлюбленной и возлюбленного с султаном и слугой, врачом и больным и т. д. В произведениях абстрактная и недоступная поэту-любимому возлюбленная иногда уступает место земной женщине, любовные мотивы имеют иногда абстрактно-божественный, а иногда — реально-конкретный смысл. Баки также пытается разрушить мотивы-шаблоны недоступности возлюбленной, заменив их свободолюбивым, удачливым и радостным поведением возлюбленного.

Резюмируя, можем сделать вывод, что в поэзии Баки любовь может быть и платонической, и земной. Баки часто описывая любовь Созидателя-Творца по отношению к человеку, критикует почитателей земных благ. Достигшая божественной высоты возлюбленная продолжает оставаться недосягаемой для поэта. Он еще раз утверждает избранность духовной любви.

Примечания

1. Рукопись 321 из арабографической коллекции Института древних рукописей — Матенадарана. Писарь Хасан бин Мухаммед. Количество листов 126. Почерк насталик., на л. 16 унван. Размер рукописи — 10,5x19, надпись — двухколонная, в черной и золотистой рамке. Переплет с раскрасками зеленого цвета.
2. *Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Ленинград, 1979. С. 7.
3. *Gibb E.* A History of Ottoman Poetry. V. II. London, 1902. P. 7.
4. *Andrews W.* Şiirin Sesi Toplumun Şarkısı, Çev. Güney T. İstanbul: İletişim Yayınları, 2001. S. 107; а также *Andrews W.* Literary art of Golden Age. The Age of Süleyman, Süleyman the Second and His Time / ed. by H. Inalcik and C. Kafadar. İstanbul: Isis Press, 1993. P. 357.
5. *Andrews W., Kalpaklı M.* The Age of Beloveds. Love and the Beloved in Early — Modern Ottoman and European Culture and Society. Durham; London: Duke University Press, 2005. P. 43; см. об этом также в: *Schmidt J.* Aşk, Âşıklar ve

- Maşûklar; Meşâirûş-Şuarâda Aşk İlişkileri (çeviren Acil B.), Aşık Çelebi ve Şairler Tezkiresi Üzerine Yazılar, Derleyenler Aynur H., Niyazoğlu A. İstanbul: Koç Üniversitesi Yayınları, 2011. S. 103–113.
6. Рук. 321. Л. 106 б.; *Küçük S. Bâkî Divânı*. Ankara: Atatürk Kültür Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, 1994. S. 268.
7. Рук. 321. Л. 616.
8. *Боролина И.В.* О старой турецкой поэзии. Тюркские литературы и фольклор. Москва, 2004. С. 157.
9. *Бабаев А.А.* очерки современной турецкой литературы. М., 1959. С. 117–118.
10. *Pala İ.* Ansiklopedik Divân Şiiri Sözlüğü. İstanbul: Karı Yayınları, 2004. S. 24.
11. *Levend A.* Divan Edebiyatı Tarihi. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1984. S. 490.
12. *Küçük S.* Op. cit. S. 201.
13. Рук. 321. Л. 67a.
14. *Levend A.* Op. cit. S. 492.
15. Рук. 321. Л. 106б.
16. Там же. Л. 97б.
17. Там же. Л. 41a.
18. Там же. Л. 54 б.
19. Там же. Л. 95a.
20. *Küçük S.* Op. cit. S. 155.
21. Рук. 321. Л. 44б.
22. *Banarlı N.* Resimli Türk Edebiyatı, Cilt I. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 2004. S. 586.
23. Рук. 321. Л. 78б.
24. *Kaplan Y.* Türk Hamam Kültürünün Divan Şiirine Yansımaları, Türkiye Araştırmaları Enstitüsü Dergisi, Sayı 44 Erzurum, Atatürk Üniversitesi, 2010. S. 131–133.
25. *Küçük S.* Op. cit. S. 213.
26. *Eren A.* Fuzûlî, Bâkî, Hayâlî ve Yahyâ Bey Divanından Hareketle Sevgili Eşiği // Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi. Vol. 3/10. Ordu Üniversitesi, 2010. S. 272–285.
27. Рук. 321. Л. 83a.
28. Там же. Л. 80a–80б.
29. Там же. Л. 47б.
30. Там же. Л. 60a–60б.
31. Там же. Л. 47a.
32. Здесь: солнце, а также Хуршид, дочь персидского шаха Сиявуша.
33. Рук. 321. Л. 61a.
34. Там же. Л. 98a.

35. *Küçük S.* Op. cit. S. 261.
36. *Eren A.* Op. cit. S. 283.
37. Рук. 321. Л. 37а.
38. *Küçük S.* Op. cit. S. 227.
39. В суфизме мюридом называют ученика-последователя, в чьем духовном совершенствовании большую роль играет учитель — муршид.
40. *Küçük S.* Op. cit. S. 101.
41. *Küçük S.* Op. cit. S. 180.
42. *Köprülü F.* Edebiyat Araştırmaları. 1. 4. Ankara: Akçağ Yayınları, 2009. S. 477.
43. *Timurtaş F.* Tarih İçinde Türk Edebiyatı İstanbul: Vilâyet Yayınları, 1981. S. 199–200; *Tanrımar A.* Fuzuli ve Bâkî. Edebiyat Üzerine Makaleler. Dergah Yay. İstanbul, 1995. S. 147.
44. *Karaismailoğlu A.* Bâkînin Şiiri, Klasik Dönem Türk Şiiri İncelemeleri, Akçağ Yay. Ankara, 2001. S. 109–117; *Yağcıoğlu S.* Fuzûlî ve Bâkî Dıvanlarında Aşk Anlayışı ve Sevgili Tipi // International Periodical For the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. Vol. 5/3. Summer 2010. S. 559–587.
45. *Küçük S.* Op. cit. S. 125.
46. Рук. 321. Л. 1146.
47. Там же. Л. 48а.
48. *Küçük S.* Op. cit. S. 196.
49. Рук. 321. Л. 426.
50. *Küçük S.* Op. cit. S. 185.
51. Ibid. S. 195.
52. Ibid. S. 288.
53. Ibid. S. 307–308.
54. Ibid. S. 218.
55. Ibid. S. 285.
56. Рук. 321. Л. 626–63а.
57. Там же. Л. 75.
58. Рук. 321. Л. 73а.
59. *İpekten H.* Bâkî, Hayatı, Sanatı, Eserleri, Akçağ yayınları 3. Ankara, 1998. S. 97–98.
60. *Küçük S.* Op. cit. S. 97.
61. *Küçük S.* Op. cit. S. 263.
62. *Yüz virtesinin* можно понять как *прятать лицо*, т. е. не позволять смотреть на лицо.